

Собралась тут братская Украина в Европу, подальше от России. И закончилось это (закончилось ли?) таким сердечным расколом, так трагически обернулось, что заставило еще раз задуматься: а что нам, людям, не имеющим счастья географически принадлежать старой Европе, предлагается в виде евроценностей? А не ловушка ли это — циничная, меркантильная, ловящая нас на пустой крючок призрачного будущего?

Одно из самых сложных впечатлений последней поездки в Латвию — музей художника Марка Ротко в Даугавпилсе, дореволюционном Двинске. В детстве этот мастер кисти жил тут, потом его родители переехали в Америку. Музей занимает гигантское помещение в бывшем крепостном арсенале, на его создание Евросоюзом было выделено без малого 6 млн евро. В музее можно сесть перед настенным видом Двинска начала прошлого века, самому настроить причудливый фотоаппарат, установленный перед тобой, — и отправить себе самому на электронную почту снимок из-за черты оседлости, горький и печальный автопортрет, как если бы ты жил на родине, отеснившей тебя. В Америке Ротко покончил с собой в возрасте 66 лет, это было в 1970 году, и теперь его картины, большинство из которых представляют собой три-четыре цветные полосы, порознь живущие на холсте, потомки продают по 87 млн долларов за штуку.

В тот день шел дождь, картины Ротко навеяли на меня окончательную тоску, я пошел вдоль крепостной стены, суммируя впечатления. Они не срастались — как полосы на холстах, как многое в Латвии. В стране,

¹ Журналист, политолог, генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», президент редакции газеты «Известия», директор фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?».

В. К. Мамонтов¹

ЧЕРТА ЕВРООСЕДЛОСТИ

входящей в Евросоюз, проживают 300 тыс. неграждан этой страны. Они, победители фашизма, признаны оккупантами, при этом исправно платят налоги, но лишены ряда важнейших прав. Как такое может быть в цивилизованной Европе? Дико! Но в Евросоюзе закрывают на это глаза.

Еще пример. Официальные прибалтийские власти проклинают советское прошлое. Но единственная надежда прибалта, отправившегося на заработки в Европу (а это, даже по официальным данным, больше миллиона человек), — образование, которое он получил в СССР. И навыки, которые наработал, если успел, на ныне закрытых советских предприятиях. Иначе — посудомойка, разнорабочий, официант...

Еще. В райцентре Резекне на деньги Евросоюза построен гигантский концертный зал. Мэр Резекне Александр Баргашевич рассказывает, что жители, пока «Титаник» возводили (это отныне прозвище здания, напоминающего огромный корабль, заплывший на балтийское сухопутье), бомбардировали местную власть, требуя построить на эту сумму что-нибудь более насущно важное. Однако Евросоюз деньги выделил целево, решив, что концертный зал нужнее моста или перерабатывающего предприятия. Конечно, подобветшавшие помещения бывших заводов доильных аппаратов и знаменитой на весь Союз «сгущенки из Резекне» давно и безнадежно продаются любому желающему. Конечно, все, что якобы производит местный инструментальный завод, сделано в Китае. Конечно, безработица и отток населения — важнейшая здешняя проблема. Но построить сказано концертный зал. Даже если по иронии судьбы он по-настоящему будет заполнен, то только когда из враждебной (если верить официальной пропаганде) России придет «ДДТ». Этого события тут ждут с воодушевлением.

А разве не удивительно, что за небольшие по московским меркам деньги ты, потомок тех, чей памятник в очередной раз сносят в Латвии и уже снесли в Эстонии, соотечественник неграждан-оккупантов, можешь купить участок земли, недвижимость и вид на жительство с «шенгеном» в придачу? Такая торговля — солидный приработок здешних властей. В Юрмале и первая, и вторая линия скуплены нашими соотечественниками. Именно их, наших богатеньких, Янис Урбанович, председатель фракции латвийского сейма, объединяющей оппозиционных, а потому «плохих» русских и «плохих» латышей, считает одними из главных виновников того, что отношения России и Латвии складываются так болезненно. «Посмотрите, куда прежде всего идут ваши миллионеры, приехав в Латвию? Думаете, в Конгресс неграждан, к своим этническим соотечественникам? Вовсе нет. Идут к нашим олигархам, к себе подобным. Вот такая у них международная солидарность. И в Латвии, и в России есть много людей, которые в ужасе от того, что наши страны могут дружить. Тогда начнут дружить спецслужбы, налоговики, службы госдоходов, и многим придется съезжать отсюда, потому что нужно будет декларировать свои траты», — так ответил он на вопрос российских журналистов в ходе Балтийского форума, интеллигентного международного мероприятия, прошедшего в этом году в 18-й раз.

Не так давно я был в Литве, и в тот раз тоже ловил себя на мысли, что у меня в голове не срастаются, к примеру, обвинения России в высоких ценах на электроэнергию и послушное закрытие Игналинской атомной электростанции по первому требованию Евросоюза. Он оплатил это недешевое мероприятие, но дотаций на электроэнергию не дает.

Здесь тоже в странном симбиозе уживается жесткая антироссийская политика властей и радушное приглашение жить, отдыхать в Паланге, к примеру. И вкладывать деньги в экономику.

И это притом, что еще «В. И. Ленин считал, что при общенародной собственности на землю пользование земельными участками и всякие виды мелкой собственности могут быть источником спекуляции сельскохозяйственными продуктами и иметь другие негативные последствия. Сама форма товарно-денежных отношений иногда создает возможность появления отношений, чуждых социализму: например, сдача внаем жилья в общегосударственных домах, использование общественного имущества в корыстных целях. Получение необоснованно высоких доходов у части населения порождает рыночную психологию, стяжательские настроения».

Причем тут Ленин, спросите? Да просто я процитировал не кого-нибудь, а Далю Грибаускайте, президента Литвы образца 1988 года, когда она защитила кандидатскую диссертацию «Взаимосвязь общественной и личной собственности в функционировании личного подсобного хозяйства» в Академии общественных наук при ЦК КПСС в Москве. В дальнейшем диссертация была в Литве нострифицирована как докторская. Я считаю, правильно: там, в диссертации, есть прекрасные научные факты, которые могут сейчас мно-

гое прояснить в тогдашней ситуации оккупированной Литвы. В частности, президент сообщает, что средний вклад на сберкнижке у литовца, занятого производством молока, мяса и сгущенки, тогда составлял 2374 рубля. Половину «Москвича-412» можно было купить! «Оккупанты» о таком и не мечтали.

Не стоило бы и вспоминать старое нам, одно время состоявшим с Далей Грибаускайте в одной компартии, если бы не лицемерие, которое видишь на каждом шагу балтийской власти. Всеми силами там стараются вычеркнуть наше непростое, но общее прошлое, бесповоротно погрузиться в «буржуазный национализм», обличению которого также посвящены в диссертации абзацы. В Латвии под «национализацию» даже преамбулу к Конституции предлагают переписать. Если бы кто-нибудь у нас решил так переписать нашу преамбулу — «Россия для русских» — европарламенты с ПАСЕ закатали бы под асфальт фашиста! А тут обсуждают — и тишина. Внутреннее дело.

Вот такие будни Евросоюза. Шел я вдоль крепостной стены Даугавпилса и думал: музей художника, помертного миллионера трагической судьбы, — это хорошо. Но почему же прочее в таком упадке, словно края эти опять за какой-то чертой? И получил ответ на пресс-конференции все того же Яниса Урбановича: «Евросоюз интересуется прежде всего соблюдением денежных правил. А как мы хотим жить — в ненависти или в дружбе — наше внутреннее дело. Это даже не двойной стандарт — вообще без стандартов. И деньги нам дают на строительство дорог или создание фондов только ради того, чтобы им самим было удобно, когда они приходят к нам... Вот и все».

Эх, сейчас бы закончить, Шарапов, пропагандистским пассажем про мягкую еврооккупацию, да с потрошками, но... Нам объяснили в Балтии, что иные российские публицисты, перегибая из лучших чувств, только вредят ползучей, небыстрой, но неотступной нормализации наших отношений и перемене участи соотечественников.

Поэтому промолчу про Латвию — вернусь к Украине, которая, словно не замечая соседнего опыта, рвется в Европу — а Европа словно не замечает, что во главе движения те, кто ломаного гроша не даст за полосы художника Ротко. Чьи кумиры заполняли трупам Бабий Яр. И — надо же — Европа тихо сносит эти оскорбления, а многие украинцы делают вид, что такого и вовсе нет, видение, пропаганда. Так про боевиков «Правого сектора» сказал Андрей Окара, политолог-майданолог: выдумка российской пропаганды.

Что с этим делать? Как помочь? Мой личный вывод такой: нам надо дать украинским товарищам пережить все это самим. Испить до дна. Жалко их, а что делать? Мы же 20 лет назад пережили? Пережили. Нет, конечно, к нам не приезжала на инвалидной коляске Юля в виде последней надежды, осунувшаяся, больная, отсидевшая в тюрьме потому, что не успела вовремя затолкать туда того, кто затолкал ее. Нашей прекрасной Юле 15, она прыгает тройные, и если не падает, то выигрывает Олимпиаду. Но надо быть честными: наша Юля еще не родилась, а мы, как нынче соседи, разинув рот, уже стояли на московских площадях. А на трибуне

наш не всегда трезвый фигурист выполнял обязательную программу: борьба с привилегиями, «мы не забудем героев», «на рельсы лягу, но стану вашим гарантом», «они же дети», а дети, как известно, теперь хозяева лагеря.

Две жесточайшие войны, развал и разруха, стрельба на улицах, крысы стаями на Тверской, без пяти минут потеря национальной идентичности — вот чем это закончилось. Человеческий облик сохранили далеко не все. Кто-то радовался, хлопал в ладоши и стишки писал: «Забил снаряд я в тушку Пуго». Третьи, самые циничные и хладнокровные, формировали капиталы, под крики про равенство и справедливость превращали в реальность свою мечту о золотом унитазе.

И превратили! Еще как превратили! Сначала одни превратили, которых потом равноудалили, а потом и другие, которые равноудалили, а народ, если верить Зюганову, который созыв продолжающему уверенно клеймить и гневно осуждать, только нищал и сопел, копя пролетарскую ненависть.

А вот дудки. В России сегодня возмутительное имущественное неравенство, полынная несправедливость, забубенная коррупция и неправильное зимнее время. Все так. Да, чуть не забыл — еще Дума отменила кружевные трусы и гей-парады. Но если бы все обстояло действительно так плохо, то Леха Навальный с дедушкой Зю уже давно бы победили. У них ничего не выходит ровно потому, что за 20 сложных, противоречивых, мучительных лет страна Россия правда изменилась. Внутренне, исподволь. Это показывает сравнительный протестный контингент. На Болотную если кто и выходит с виртуальным бульжником, так офисный тонкокожий пролетариат да обьевшие грибы рублевские дамочки. И слушают они речи патентованных демократов, кои, если очистить от шелухи, таковы: «Вот он я, красивый и умный, так почему я не Путин? Вот я, красивая и умная, так почему я не Голикова?»

Отчего люди на Украине с таким восторгом посещают открытые настезь безвкусные резиденции тиранов? Потому что в душе сами так хотят жить. Потому что евроремонт двушки пародирует нуворишский особняк. Как Гоголь писал, в десятую долю. Да что там — хоть в сотую! В России, если ее умело, зло, пассивно раскочегарить, поверьте, будет то же самое, если богатенькие совсем страх потеряют, а чиновники не включают самосохранение. Да и технологи бунтов знают, откуда начинать, если финансирование им откроют, а власть будет «януковничать».

Но есть и другое: в России тем временем многие расчухали, что это все пошлость и шариковщина — дербанить и делить. Любимый фильм у всех — «Собачье сердце», хотя вдуматься — сколько процентов аплодирующих потомков могут с чистой совестью вывести свои родословные от Преображенского? Борменталья? А сколько от Швондера? От Шарикова? Да, это самые зачатки буржуазности. Среднеклассности. Иногда смешные. Отбоя нет от желающих отдать свою дачку теледизайнеру, который там такого корбюзье наворотит, что соседям показать будет не стыдно. И не только потому, что халява: стандарты другие поменьше селятся у людей в головах! Взять «Модный приговор»: приходят тихие, милые и толстые лахудры, и еще ни одна не попросила сделать ей халу или косу вокруг головы. Или причесать волосок к волоску, как у китайцев и януковичей. Всем с одобрения народной Бабкиной, отхватившей себе молоденького, юбку-карандаш и пальто-труакар. Кругом что угодно, но не голodomор. На всех каналах кашеварят от кутюр с утра до вечера — если, конечно, не Олимпиада.

Про нее вообще надо отдельно. Она с Майданом так совпала, что просто... До слез. Там смерть и кровь, злоба и отчаяние, циничное вложение денег в передачу власти от одних упырей другим. Здесь вложения в стадионы, в снег, в лед, в престиж, в счастье победы, которое распространилось и затопило. Не без воровства наверняка. Не без жульничанья, не без винта в позвоночник. Но даже если это только мечта о правильной России — она стократ лучше, она далеко опередила мечту Майдана с ее мрачной черно-бордово-оранжевой стилистикой, с отдельным западенским счастьем без жидов и москалей. И на этом фоне — оба-на, русские космобогатыри, фамилии одни чего стоят: Легков! Вылегжанин! Черноусов! Липницкая! Волосохар! Ан! Дикий! «Витя, дава-а-а-а-а-ай!»

В этом обожании новообращенных Вить, в страничках книг, разлетающихся по миру, в мирно пасущихся коровах Шагала, в фейерверке под Чайковского, в жесте веселого Гоголя (сквозь слезы, конечно) точно больше Европы, чем во всем пошлом политиканстве и трагическом балагане киевского Майдана. Больше Европы, чем в самой Европе, той ее части, которая мелочно и трусливо готова подпевать хоть Бандере, лишь бы не России. И этой Европе мы, думаю, будем и дальше показывать свою отечественную дулю.

Но Крым, который теперь российский, подтвердил: важно, что наша дуля будет стилистически иная, фигурная, в виде раскрывшегося-таки кольца.